

ВРЕМЯ КАМЕННЫХ БУРЬ

Очередная катастрофа поколения

Сегодня я ехал в метро рядом с интересным молодым человеком, который чем-то был похож на Чубайса в молодости. Он целеустремленно жевал жвачку и читал какую-то газету, причем был этим занятием абсолютно поглощен. Поначалу я было подумал, что там криминальная хроника, но, бросив взгляд через плечо, увидел мелкие-мелкие цифры в столбик – биржевые сводки. И вот пока мы ехали, минут двадцать или тридцать, он с напряженным вниманием, не отрываясь, поедал глазами эти столбики. Вид у него был вполне “прогрессивно-консервативный”: он не был одет в немыслимо архаический пиджак и допотопный галстук типа моих, но на нем не было и супермолодежного вызывающего прикида; ни уши, ни ноздри не были порчены кольцами или серьгами. На шкале между этими крайностями он аккуратненько обретался по центру чуть ближе к приличному — ровно настолько, чтобы, попав в офис какой-нибудь компании типа “Проктер энд Гембл”, произвести очень положительное впечатление современного молодого человека, не чуждого веяний, но как бы вполне пристойного. Судя по непошибаемой убежденности на его лице, он, видимо, уже нашел смысл жизни, профессию и твердо знал: когда он закончит обучение (в магистратуре какой-нибудь финансовой академии), то избранная им деятельность, которую в народе называют “мелкий дилинг”, по-прежнему будет процветать, и он ежедневно с неотвратимостью восхода будет наваривать свои 100 баксов. А потом станет вице-президентом инвестиционного фонда.

И я понял, что в жизни молодого человека уже произошла катастрофа, о которой он покуда не подозревает.

За последний месяц в возлюбленном отечестве подобного сорта люди десятками тысяч оказались на улице. Проблема в том, что слишком раннее самоопределение чревато жизненным крахом. Господь строг в этом отношении. Поэтому я намерен потратить несколько академических часов вашего времени, чтобы попытаться ответить на вопрос, который никто мне не задавал.

Мы живем в стране однозначных ответов на незаданные вопросы. Например, у нас не принято спрашивать, как устроен современный мир — это считается неприличным. А если спросить, то ответ будет, похоже, по-прежнему состоять в том, что есть единообразный “магистральный путь развития цивилизации”, с которого мы когда-то свернули (видимо, в 1917 году), теперь же в роли блудного сына возвращаемся. Хотя обществоведы на Западе тем временем додумались сами и прожужжали все уши нам, что никакого “магистрального” пути не существует, что Запад вовсе не общечеловеческий тип общества, а скорее уникальный, что доля обществ западноевропейского типа в общей массе земного населения все время съезживается, что они скорее похожи на экзотический, хрупкий, редкостный лотос, чем на победоносно распространяющуюся картошку. Этот путь заказан абсолютному большинству неевропейских стран, почти наверняка по нему не пройдет Россия, это невозможно – да и не нужно.

Перед вами стоит проблема принятия в высшей степени ответственного и рискованного инвестиционного решения. Дело тут не только в профориентации или карьере. Мировая экономика, как и любая социальная система, устроена так, что у нее есть особые точки роста или, если хотите, эрогенные зоны. Если представлять экономику живым существом, то она как бы вожделеет, чтобы ее именно в этой зоне погладили, или, наоборот, воткнули в нервный узел китайскую иглу, чтобы излечить от болезни. Точное попадание в эти прорывные зоны развития или узлы роста сулит не только колоссальную прибыль бизнесменам, карьере, успех, но и осмысленную жизнь.

Мой долг – в меру сил помочь вам увидеть структуру пространства выбора, определенность нашего общего самоопределения.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

1. О разбегании и сближении миров

В 60-е годы, еще ребенком, я прочел повесть “Порт каменных бурь” Генриха Альтова¹, навсегда поразившую мое воображение. Название относилось к искусственному объекту, найденному землянами на необитаемой планете в системе двойной звезды. Близость к светилам порождала в планетной коре приливные напряжения такой силы, что ее сотрясали каменные бури, неузнаваемо менявшие весь ландшафт. Гадая о предназначении Порта, земной аналитик решает провести странный интеллектуальный эксперимент. Он хочет понять, как выглядела бы наша Галактика, если бы свет распространялся мгновенно. Ведь триста тысяч километров в секунду – черепаший темп в масштабах вселенной. Луч от ближайшей звезды ползет до Солнечной системы четыре года, а от видимых объектов на другом краю галактики – так долго, что за время путешествия изображений к сетчатке нашего глаза их прообразы значительно смещаются от видимых координат, претерпевают глубокие изменения и могут вообще исчезнуть.

Представьте для наглядности, что скорость света, скажем, метр в десятилетие, а вы смотрите на Москву от ворот Спасской башни. На переднем плане приближается правительственный лимузин со стареющим на глазах Леонидом Ильичом, за ним виднеется ЗИС с товарищем Берия. Поодаль на месте ГУМа скачут дружинники Юрия Долгорукого, а в полевой бинокль видно, как по будущему бульварному кольцу кроманьонцы гонятся за шерстистым носорогом. Словом, вам предстанет мешанина из разновременных событий и давно не существующих объектов и структур.

Герой повести спроецировал на большой экран видимую структуру галактики, а потом получил разрешение задействовать на эксперимент мощность большинства земных компьютеров, чтобы сместить изображения всех звезд, скоплений и различных астрономических объектов к их реальным координатам, пересчитанным исходя из законов небесной механики. И покуда он сидел перед экраном и размышлял над своим экспериментом, галактика на глазах преображалась, упорядочивалась, обретала все более стройную структуру. Все выглядело так, словно она была предметом чьей-то инженерной деятельности, преобразующей наш звездный остров в дом для разумной жизни.

Вы знаете, что, по данным современной астрономии, все видимые галактики разбегаются в стороны друг от друга, как если бы вселенная была рождена в результате некоторого “большого взрыва”. Так вот, в конце повести герой понял, что искусственный объект на планете Каменных Бурь – это машина сверхцивилизации, задача которой – противодействовать разбеганию галактик. Некая метагалактическая разумная сила установила во всех концах вселенной подобные машины, цель которых – предотвратить дальнейшее разбегание галактик, остановить его и начать их сближение.

Наиболее проникательные философы и историки, чье умозрение целостной картины мгновенно, не отягощено инерцией познавательных средств, уже с начала века ощущают: наступил переломный момент в мировом развитии. Ему нет аналогов с того самого момента, как первый человек был изгнан из Эдема. История заканчивается, грядет Метаистория.

2. История как атомизация субъекта социального действия

В Истории тоже можно усмотреть разбегание, дошедшее до фатальной степени и готовое вот-вот смениться сближением.

¹ Альтов Г.С. Порт каменных бурь // Создан для бури. М.: Детская литература, 1970, с. 203-228.

Социологи-теоретики ведут нескончаемую дискуссию о субъекте человеческой деятельности. Одна из классических точек зрения (ее обычно приписывают Максиму Веберу) состоит в том, что им может быть только конкретное лицо. Когда вы думаете, что боретесь с организацией, взаимодействуете с тем или иным социальным институтом – это заблуждение, за ними всегда стоит конкретная воля и разум конкретного человека. Государство, корпорация, фирма, банда – различные маски, оболочки субъекта, а реальный субъект – всегда личность. И есть другая, не менее классическая точка зрения (которая приписывается Эмилю Дюркгейму), что субъектом всегда является социальный организм или орган, и никогда – лицо. Человек только питает субъективные иллюзии, будто от его личной деятельной воли что-то зависит.

Истина, как всегда, нуждается в обеих точках зрения. История может рассматриваться как история эволюции форм субъектности. Три глобальных исторических формации – общества Традиции, Культуры и Цивилизации – знают каждая свой тип субъекта.

Субъект общества традиции – это род, то есть общество в целом. Когда Энгельс рецензировал книжку Моргана, одним из первых описавшего традиционные общества, он отметил, что индейцы были прекрасными, выдающимися, замечательными людьми. Они все красивы, физически прекрасно развиты. Абсолютно преданы друг другу. Никогда не врут. Они бьются до последнего, не сдаются, их дух невозможно сломить. Один индеец в рукопашной стоит десятерых белых, он может с томагавком противостоять людям с ружьями... То есть все прекрасно в индейцах – и лицо, и одежда, и мысли. Кроме одного – на европейский взгляд индейцы неотличимы друг от друга. Они все представляют собой некоторый клон, репликацию одного и того же существа с общей матрицы.

Общество традиции непостижимо и недостижимо для цивилизованного человека. Каждый член традиционного общества – и добытчик (роль, возделываемая современным мужчиной), и воин, и колдун. Говоря на новоязе – телепат и экстрасенс. То есть ему даны такие магические (трансперсональные) способности, которые нам и не снились. Одновременно он ужасен даже для закаленного “политкорректностью” взгляда, приученного улыбкой встречать взгляд дауна и без содрогания взирать на манипуляции безногих спортсменов. Он ущербен самым жутким из уродств – отсутствием места, куда, как протез, можно было бы пристегнуть сакральные “права человека”.

Общество традиции неверно понимать как нечто застывшее. Это огромная эпоха истории, на протяжении которой механизм дробления, расталкивания, разбегания субъектов работал безостановочно, единое прачеловечество распадалось на племена, племена – на роды, роды – на общины. И наконец произошел столь глубокий распад, что массы людей оказались вырваны из орбиты кровнородственных связей. В городах-государствах все стремительнее шло становление нового типа субъекта – корпоративного.

Членом корпорации теоретически мог стать любой, хотя это и было очень трудно: требовались годы и десятилетия на социальную адаптацию, восхождение по ступеням иерархии, преодоление сословных шлюзов и сдачу экзаменов. Корпорация стала базовым институтом, основной формой субъекта в рамках общества культуры. Это форма гораздо более искусственная, удаленная от природы, чем кокон родоплеменных связей.

Средневековый город, согласно Веберу, представлял собой корпорацию, в свою очередь состоящую из различных корпораций. В поисках пропитания, защиты и новой идентичности сюда стремились те, кто выпал из родовых гнезд. В корпорацию нелегко было проникнуть, и едва ли не труднее – выйти. Нормальный советский человек обязан был иметь прописку, где-то работать и обладать трудовой книжкой; если ее не было, он излавливался и осуждался за тунеядство. Колхозники вообще не могли уехать из колхоза, им не выдавали паспорта.

Но все-таки сословие – это уже не каста. Оно – костюм, обязательный для определенной роли в социальном спектакле, но не кожа традиции, от рождения вросшая в плоть. Человек корпорации лично был неизмеримо ближе к нам, чем индеец. Средневековый мир – это общество, где возникли монотеистические религии. Корпорация – не община, живущая по обряду, а общность, отвечающая писаному уставу. Однако субъектом была именно она – городское сословие, гильдия купцов, ремесленный цех. Но не человек.

И, наконец, корпорации, распадаясь, породили независимых предпринимателей. Наиболее выдающиеся мастера сознательно выходили оттуда, поскольку корпорация ограничивала их развитие жестким качественным и количественным стандартом. Предприниматели положили

начало обществу современного цивилизационного (западного) типа, где субъектом считается (а часто и является) независимый индивид. Рассыпаться далее стало некуда. Первичная целостность, представленная родом Адама и Евы, превратилась в пыль, в атомы, где каждый человек является независимой личностью (по меньшей мере, юридически). Всякое физическое лицо имеет священные неотчуждаемые права. Оно выступает автономным субъектом бизнеса и политики, а также имеет право на неприкосновенную частную жизнь.

Конечно, любой реальный социум всегда содержит слои-уклады Традиции, Культуры и Цивилизации. В реальном обществе цивилизационного типа подавляющее большинство людей по сей день существенно зависит и от родовых структур, и от корпоративных. В частности, у большинства избирателей есть и семья, и постоянное место работы.

Миры традиции, культуры и цивилизации имеют свои, совершенно особые отношения с Абсолютом. В мире традиции нет трансцендентного Бога, демоны и духи живут по соседству с людьми. Здесь каждый не только воин, но и колдун, ибо это взаимосвязано. Любой, кто занимался восточными единоборствами, знает, что погружение в трансцендентное, культивирование духа напрямую связано с силой воли и мощью удара, воинское искусство неотделимо от магического.

В мире традиции нет ни Бога, ни молитв. Здесь некому и незачем молиться, надо просто действовать, то есть добывать или колдовать. Например, если племени нужен дождь, оно не заказывает жрецу молебен об избавлении от засухи, а просто вызывает его путем манипуляций с магическими словами и предметами.

В обществе культуры есть трансцендентный Бог и сакральный акт молитвы, а между человеком и Богом возникает в роли посредника сословие жрецов. Человек, если он что-то хочет, уже не колдует, а идет к жрецу и говорит: “Помолись за меня”. А тот отвечает: “Приходи на исповедь, сын мой...”

И, наконец, в насквозь рациональном мире цивилизации человек снова отрицает посредников и возвращается к прямым отношениям с Абсолютом, но делает это по-иному. Вера уходит, а место колдовских технологий теперь занимает знание “законов природы” и логика, воплощаемые в ноу-хау.

3. Обращение времени вспять. Новое Средневековье

Итак, до XX века история выглядела как атомизация, расталкивание, разбегание социальных субъектов. Произошел акт Творения, большой социокосмический взрыв, и появившееся на свет единое прачеловечество изначально было подвержено закону разбегания и распада. Точнее, все выглядело так, как если бы все формы исторической субъектности возникли разом, при этом более поздние формы культуры и цивилизации пребывали поначалу в оболочке традиции, как в чреве матрешки, постепенно высвобождаясь и приобретая автономию.

В начале века ковчег цивилизации прибыл в Порт каменных бурь.

Сейчас, оглядываясь из последних лет этого века, самого чудовищного и грозного не только во втором тысячелетии, но и во всей Истории, можно видеть, что разбегание сменилось-таки сближением. Это, быть может, не главный его итог, но достаточно откровенный знак итога.

Во всем мире прорезались обратные тенденции, особенно очевидные на Западе, дошедшем до крайних пределов социального дробления.

Атомарные индивиды все чаще не довольствуются реализацией своих интересов через машину выборов и систему партийного представительства. Они слипаются в протокорпоративные структуры “гражданского общества”, которые, как редуктор, эффективно передают на государственные шестерни давление игнорируемых демократией меньшинств.

Независимые и успешные предприниматели в здравом уме и трезвой памяти добровольно объединяются в новые корпорации.

Новые секты как губки впитывают в себя растущую массу недавних индивидуалистов, интеллектуалов и рационалистов, которые впадают в наркотическую зависимость от их общинного быта и совместных медитаций.

Большинство подобных тенденций почувствовал и предсказал еще Бердяев в маленькой брошюре “Новое Средневековье”², напечатанной в Берлине за десять лет до прихода Гитлера к власти. Что перед нами – новое или старое? Прогресс или регресс? Время идет вперед или вспять? Мысль философа состояла в том, что начинается совершенно новый виток развития уже за пределами Истории — не возвращение к старому, а возобновление его утраченных достижений на основе всех приобретений нового и новейшего времени.

4. Общество как тип взаимосвязи будущего с прошлым

Каждое общество существенным образом характеризуется тем, как в нем взаимосвязано прошлое и будущее. Это верно и в отношении каждого человека: какова эта связь внутри вашей личности, таковы и вы.

На протяжении истории человечества прошлое и будущее связывалось между собой совершенно по-разному. Архаическое время мира традиции кольцеобразно и замкнуто, оно связано с сезонным циклом. Там нет прошлого и будущего в современном понимании – предки и потомки сосуществуют, умершие и нерожденные участвуют в повседневной жизни рода. Нет и демонов в трансцендентных небесах – духи тоже всегда рядом. Великий Пан живет в ближней пещере, его регулярно видят там ранним утром резвящимся с нимфами, любой ахейский грек подтвердит вам это.

В мирах культуры жестко разделены сакральный и профанный временные горизонты. Священное время прорывает плоскую обыденность только в узлах откровения. Это первое пришествие, когда Бог впервые вступил в диалог с людьми и заключил с ними Ветхий завет. Это прозрения пророков, явление Христа, проповедь Магомета. И будущее апокалипсическое пришествие, к коему приурочен Страшный суд. Нормальное человеческое время вытекает, как из воронки большого взрыва, из первого откровения ветхого Бога и движется к полному завершению истории в астрофизической черной дыре Страшного суда. То есть профанное время само по себе не имеет ни прогресса, ни истории. Человек в нем рождается и умирает, обреченный на страдания, и он должен заработать либо блаженство, либо муки в преисподней. Именно священное время, по Гегелю, содержит подлинное развитие.

И, наконец, имеется скучное, рациональное, линейное время мира цивилизации, которое делит жизнь на прошлое, настоящее и будущее. Линейное время состоит в том, что прошлое уже прошло, будущее еще не наступило, а в настоящем имеет место прогресс. Прошедшее сплошь состоит из дикости и архаики, общества прошлого все были плохие и примитивные. В настоящем все рационально и закономерно. Будущее светло и прекрасно, оно состоит в непрерывном росте производства, прогрессе просвещения, наук и искусств. Это тоже очень важный взгляд, хотя и выдающий самодовольство настоящего.

5. Опыты беспочвенного прогресса

Честно говоря, не имею представления, в какой мере вам присуща вера в прогресс, – моему поколению в юности это было свойственно в высшей степени, даже до смешного. С упоением футбольного болельщика я вчитывался в справочники со статистическими таблицами, из коих следовало, что в прошлом году СССР по валовому производству цемента почти догнал США, а по его производству на душу населения находится на четвертом месте... Тенденции аппроксимировались, строились графики, подтверждавшие, что к восьмидесятому году мы по производству галош резиновых на душу населения в два раза превзойдем все остальные страны мира, вместе взятые.

Когда хотят противопоставить подобному безудержному, западническому оптимизму другую точку зрения, часто говорят о приземленном здравом смысле, о том, чтобы опираться на твердую почву реальности. Но почва под нами еще колышется, мы ходим по свежим насыпям надо рвами, куда заживо сталкивали жертв массовых репрессий. Пять десятилетий тому назад – ничтожный срок по историческим меркам – еще всю крутились жернова, что сделали Россию

² Бердяев Н. Новое Средневековье. М.: Феникс – ХДСпресс. 1990

глубочайшей братской могилой Истории. Один мой дед служил в Первой Конной и был ранен во время безумного броска на Варшаву, а другой курил самокрутки в Карлаге, откуда вышел по реабилитации в тридцать седьмом, унося в себе рак легких. Отца не принимали в академию из-за анкетной строки о враге народа.

Пока я учился в школе, мир несколько раз оказывался на грани последней войны. Помню, как во время Карибского кризиса над нашим военным городком барражировали звенья стратегических бомбардировщиков – они не садились и постоянно дозаправлялись в воздухе, потому что на аэродроме их мог застигнуть американский ядерный удар. В 1962 году я стал невольным свидетелем двух ядерных взрывов в атмосфере. Мы засыпали, не зная, ждать ли пробуждения или превращения в пар и пепел.

Все это было лишь поколение назад. И хотя те же самые бомбардировщики и ракеты продолжают свое боевое дежурство, как пистолет у земного виска, породившая их эпоха утонула глубже и бесповоротнее Атлантиды. Но иллюзия вечного прогресса, зародившаяся в межвоенной Европе и по недоразумению занесенная в евразийскую тундру, чудом сохраняется. Не исключено, что вы окажетесь первым и последним российским поколением, имевшим доступ к чудесам западной цивилизации.

Прогресс или хотя бы стабильность в истории – антракт, а не действие. Деградации, провалы, исчезновения целых обществ – рабочие будни. При этом до последнего момента пассажиры “Титаника” совершенно убеждены, что завтра будет то же, что сегодня. Кстати, как объяснил знакомый метеоролог, этот прогноз – из самых надежных.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

6. Распад исторических субъектов и высвобождение утопий

По представлениям ядерной физики так называемые “элементарные частицы” могут состоять из сверхтяжелых частей и даже целых миров, масса которых скрыта в форме колоссальной энергии связи между ними. Но для того, чтобы расцепить и вызволить из плена эти скрытые части, нужно приложить эквивалентную энергию снаружи.

В романе Чапека “Фабрика абсолюта”³ чешский инженер Марек изобрел аппарат под дурацким названием “карбюратор”, который полностью расщеплял материю и превращал ее в энергию по известной формуле Эйнштейна $E=mc^2$. Но едва экспериментальная установка заработала, выяснилось, что по всей природе (как и предполагали пантеисты) разлит Абсолют – дух Божий. Когда же материю расщепляли, Абсолют высвобождался в чистом виде. И около каждой энергетической установки инженера Марека (помимо того, что она давала дешевую энергию в колоссальных количествах) возникала высочайшая концентрация святого Духа. Операторы этих установок, все, кто работал вокруг, а также население окружающих сел и городов попадали под воздействие Абсолюта. Участились тяжелые случаи религиозных экстазов, внезапных обращений и спонтанного пророчествования. Люди, которые использовали агрегат, забывали про то, зачем они его купили, уходили с фабрик, образовывали религиозные секты и до голодных обмороков вели богословские споры. Многие предприниматели, установившие карбюратор Марека на своих предприятиях, раздавали имущество бедным и шли по городам и весям, проповедуя истину. Технологическое изобретение чешского инженера вызвало побочный трансцендентный эффект, который подорвал социальные основы.

Движущие силы Истории (каковы бы они ни были) сработали по принципу карбюратора Марека. По мере расщепления родоплеменного субъекта на все более мелкие структуры скреплявшая его атомная энергия социальных связей (Дюркгейм назвал ее “общим сознанием”) высвобождалась и воспаряла над обществом в виде духовных сущностей – *утопий*.

³ Чапек К. Фабрика абсолюта // Фабрика абсолюта. Белая болезнь. Библиотека современной фантастики. М.: Молодая гвардия, 1967, Т. XI, с. 5-171.

7. Утопии Братства, Справедливости и Свободы

Когда традиционное общество распалось на сословно-корпоративные структуры, из него исторглась первая из великих утопий – утопия Братства. Она явилась как бы воспоминанием человечества о своем золотом детстве, или, выражаясь более философски, первой отчужденной формой социальной рефлексии. Для того чтобы понять, как нечто устроено, аналитики стремятся разобрать его на части. К сожалению, заново собрать обычно не удается. Понимание духовного фундамента, на котором держалось единство общества, приходит уже после того, как общество развалилось. Лишь задним числом люди средневекового, а потом и современного мира, глядя на сохранившиеся исторические свидетельства, на образцы современных им традиционных обществ Америки, Африки и Океании, постепенно понимали, сколь важным было скреплявшее их “общее сознание”. То есть прототип братства изначально был не утопией, а некоторым внутриплеменным духом, что связывал людей традиционного общества воедино. Когда оно распалось, дух эмансипировался и зажил автономной жизнью.

Когда распадался универсум культуры, мир корпоративных субъектов, скреплявшие его силы вырвались наружу в виде энергии распада, давая начало второй великой утопии – Справедливости. Она напрямую связана со средневековым сословным иерархическим обществом, где каждый человек, по идее, занимал то место в одной из корпораций, которого был достоин и на которое способен. Понятно, что реальные прообразы этой идеи были отягощены мраком и жестокостью. Средневековый человек, перераставший рамки своей компетенции или ответственности, был крайне ограничен в возможностях социального роста и межкорпоративной мобильности. Но когда душа этого общества очистилась от брэнного тела после его разрушения, она вылетела оттуда и зависла над людьми в виде утопии Справедливости.

По мере распада институтов и структур, скреплявших общество индустриальной цивилизации, набирала силу третья и последняя из великих утопий – идея Свободы.

Каждая из утопий, обретя автономию, начинала играть разрушительную роль. Люди, охваченные утопическим идеалом и не находящие реализации этого идеала в окружающей жизни, вели себя подобно жертвам Абсолюта. Они слепо устремлялись на его свет, разрушая по дороге все, что ему не соответствовало. А ему не соответствовало почти все.

Итак, эволюция исторических форм субъектности шла через поочередный распад обществ традиции, культуры и цивилизации. Каждое из них, разваливаясь, в буквальном смысле слова “испускало дух”: излучаемая энергия социальной связи объективировалась в виде утопий Братства, Справедливости и Свободы.

В закатные века Истории они парили в социальных небесах, высматривая жертву. И наконец каждая из них коршуном упала вниз, ударила оземь и, высвободив свою кумулятивную мощь, обратилась *идеологией*. Начало XX века почти одновременно принесло человечеству идеологии *коммунизма, корпоратизма и либерализма*. Это был новый, второй социогонический взрыв, начало Метаистории.

8. Утопия и идеология

Чем отличается утопия от идеологии? Утопия – владеющий вами светлый идеал, который вы не можете воплотить в жизнь, не знаете, с какого боку за это взяться. Вы просто человек, который хотел бы, чтобы в жизни были братство и справедливость, и ясно видит, что в окружающей жизни этому мало что соответствует. Вы объединяетесь с атаманом Разиным в лихую ватагу и идете крушить все, что несправедливо. Потерпев в этом неудачу, вы решаете, что для воплощения идеала недостает социального ресурса в виде власти или денег, и вступаете в борьбу за этот ресурс по действующим правилам. Но поскольку другие борцы за власть искренне и непосредственно стремятся к ней как к конечной цели, не отвлекаясь на всякую маниловщину, они и побеждают. В результате овладевшая человеком утопия делает его разрушительной силой общества, а его собственную жизнь превращает в кошмар и цепь поражений.

Идеология возникает из брака утопии с невиданным дотоле метаисторическим субъектом, который, рассматривая власть как цель, расчетливо решает приспособить утопию в качестве новейшего средства ее достижения. Обычные исторические субъекты не годятся для подобных

игр. Да и само общество должно претерпеть глубокие изменения для того, чтобы социальную идею можно было использовать в нем как отмычку.

Победившая в том или ином социуме идеология чаще всего переходит либо в режим экспансии, либо самосохранения. Субъект-победитель объявляет социальный идеал (до этого утопический) в качестве официально утвержденного, программного, и заявляет, что он занимается не чем иным, как его воплощением в жизнь. Какова степень его искренности, что, как и во что он при этом воплощает – отдельный вопрос.

В одном из “Звездных путешествий Ийона Тихого”⁴ странники попадают на планету, повсеместно залитую водой до уровня груди или горла человека среднего роста. Населяющие ее граждане вполне сухопутной наружности сильно страдают, у них скрюченные от ревматизма конечности, некоторые, поскользнувшись, захлебываются... Путешественники хотят выяснить, в чем дело, но расспросы быстро приводят их в кутузку. Из разговоров между каторжанами они узнают, что к чему. Оказывается, планета страдала от засух, и люди веками мечтали о влаге. В соответствующей утопии было много воды, изобилие воды, потоки, фонтаны, ирригация и мелиорация. В какой-то момент к власти пришли дружины ирригаторов, было создано могучее Министерство ирригации, и оно-таки осуществило вековечные чаяния. Когда планета была залита водой и ее оказалось даже слишком много, когда кругом простерлись болота, где расплодились комары и крокодилы, самое время было бы ликвидировать это министерство, поблагодарить всех тепло, пожать руку, вручить памятные знаки и перейти к частичному осушению. Но министерство не захотело распуститься.

Тогда оно выдвинуло официальную идеологию. Идеалом человека и общества был объявлен водный мир, образцом гражданина – рыба; утверждалось, что можно добиться всеобщего обрыбления путем воспитания и самовоспитания. Стремление сознательных граждан к обрыблению должно привести к тому, что у них вырастут жабры и плавники. Идеология, понятное дело, встретила массовую поддержку. Время от времени трудящиеся единодушно обращались к партии и правительству с просьбой налить еще побольше воды. Партия откликнулась, уровень воды поднимался, после этого часть граждан, обычно низкорослых, куда-то исчезала. Куда – никто не знал.

Все это объяснил путешественникам словоохотливый сосед по бараку. Когда его спросили, за что он мотает срок, тот поведал, что мирно жил в своем жилище с гигиенически обоснованным уровнем воды в комнатах в полтора метра, ел на надувном столе и смотрел плавучий телевизор. Однажды, почитав перед сном труды классиков обрыбления о том, как важно отращивать жабры, вскарабкался на плавающий диван и заснул. А во сне соскользнул с него, стал захлебываться и заорал: “Да сдохнуть от этого можно!” И вот за этот непатриотический крик души ему, собственно, и дали по справедливости семь лет ваяния рыб из семейства сомовых.

9. Прорыв в метаисторию. Идеократии двадцатого века

В первой половине двадцатого века общества Традиции, Культуры и Цивилизации, охваченные пассионарным порывом, предприняли отчаянные попытки воссоединения со своими утопиями. Между первой и второй мировыми войнами в нормальное течение истории прорвались сразу три идеократии – одна за другой. И нормальная История прекратилась. С тех пор она уже не возобновлялась. Сама первая мировая война была чем-то необыкновенно катастрофичным и не имеющим исторических аналогов. В ходе и в итоге этой войны возникла первая идеократия – коммунизм. Появилось несколько коммунистических государств. Долговечным оказалось только одно, где к власти пришел совершенно невиданный субъект – ВКП(б), “партия нового типа”, которая объявила, что на научной основе строит идеальное общество. На протяжении 20-30-х годов в нескольких странах – сначала в Италии, потом в Германии, Японии – возник ряд сходных между собой идеократий, чья идеология имела в своей сердцевине сословно-корпоративный идеал. И, наконец, на протяжении 30-40-х в США установилась третья великая идеократия, которая объявила, что ее идеалом и структурообразующим принципом является либерализм.

⁴ Лем С. Звездные дневники. Из воспоминаний Ийона Тихого. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998.

Бессмысленно пытаться сравнивать и тем более оценивать идеократии, покуда для такого сопоставления не построено понятийное пространство. С точки зрения любой из них остальные две предстают дуальным воплощением мирового зла, двумя тайными союзниками. Можно просто констатировать, что явление каждой из них было связано с катастрофическими событиями. Довольно очевидно, что и чисто внешне они похожи. Это напрямую касается и суперсовременного, высокогуманного либерализма. На взгляд бывших советских граждан (с их обостренным чутьем на любые идеологические идиотизмы), паранойя “политкорректности” стоит в едином ряду с идеопсихозами позднего сталинизма и неповторимой шизоидностью журнала “Новая Корея”. А махровый, откровенный идеологизм фильмов Голливуда, действие которых добрую половину времени протекает в зале суда, живо приводит на память участь тоталитарных киногероев, по полфильма вынужденных торчать на партсобраниях. Трагикомедия с участием многострадального Клинтона и несчастной Моника, где в центре коллизии не долг, не любовь, не измена, а *установление наличия или отсутствия ложных показаний* – ну не сюжет ли это классического производственного романа, где чувства героев суть лишь фактор повышения производительности труда и к тому же полностью зависят от того, троцкист ли он, арийка ли она? Для любого человека с советским прошлым, как и для немца с довоенным опытом все это – *deja vue*.

Безбожных и антигуманных утопий не бывает. Бывают преждевременные и несвоевременные идеократии. Все идеократии похожи, каждая жестока и бесчеловечна на свой лад, хотя и в совершенно разной степени. По чисто статистическим показателям коммунизм, безусловно, лидирует с отрывом. Первая идеократия, которая актуализировала древнейший, архаический идеал братства (“Человек человеку друг, товарищ и брат”) была, конечно, самой зверской и варварской, истребила максимально возможную, полпотовскую долю собственного населения. Вторая, реализующая феодальную утопию справедливости (“Каждому – свое”), по этому количественному критерию явно уступает. Фашисты уморили в концлагерях во много раз меньше жертв, чем коммунисты в ГУЛАГе. Хотя, как и многие, полагаю, что такие оценки неуместны, но цифры есть цифры. Кроме того, вторая идеократия не уничтожала на корню классы землевладельцев и капиталистов, не вела раскрестьянивание (за отсутствием предмета), там вместо тоталитарной социальной однородности имело место некоторое сословное разнообразие, внутрикорпоративные ограниченные свободы и т. п. Естественно, с современной точки зрения жизнь и в этой идеократии была кошмаром. На таком фоне третья идеократия – знавшая, впрочем, и маккартизм, охоту за ведьмами, электрический стул для коммунистических пособников, зверства спецслужб (к счастью, не у себя дома) – выглядит истинным царством свободы.

Понять, почему это так, отчасти помогает графический образ. Любое историческое общество представляет собой трехслойный пирог, включающий пласты традиции, культуры и цивилизации. Но можно представить его и как трехэтажный дом, где потолок этажа цивилизации соответствует фукуямовскому “концу истории”, границе метаисторического зазеркалья. За ней – три новых этажа-утопии, подлежащих освоению и заселению.

Либеральная идеократия в этом смысле была в наиболее выгодном положении. Обществу цивилизации, чтобы пробить потолок, пришлось всего лишь встать на стремянку, которая опиралась на вполне материальное основание. Ее утопия “Свободы” оказалась самой поздней и наиболее приземленной, укорененной в реальности. Обществу культуры, чтобы дотянуться до своей утопии, приходится делать прыжок высотой в один исторический и один метаисторический этажи, чреватый разрывом социальных связей и губительными травмами. Обществу традиции (каковым во многом была Россия, где 95% населения жили в крестьянском укладе) в порыве к своей утопии пришлось совершить головокружительный скачок сквозь четыре эпохи, на котором сломали себе шею все правящие классы и все революционеры, а большинство населения провалилось в пропасть.

Не случайно к настоящему времени первые два идеократических субъекта практически развалились, уцелел пока только либеральный субъект.

10. Аннигиляция прошлого и будущего. Плоский мир

Итак, либерализм – одинокий победитель, единственный полноценный гражданин метаистории, законный наследник и владелец всего богатства исторического развития. Поэтому и точка зрения либерализма на это развитие безальтернативна. А она проста.

Фрэнсис Фукуяма⁵ объявил, что история кончилась, идеальное состояние общества достигнуто, только это не коммунизм, а либерализм. Идеал на 90% совпадает с тем, как выглядят Соединенные Штаты времен восьмидесятых годов, ничего лучшего изобрести уже нельзя, а остальное человечество обречено выйти на этот магистральный путь, медленно (и по возможности бесконфликтно) приближаясь к финишу.

История обществ традиции и культуры, грезивших об утопиях братства и справедливости – это хроника дикости и заблуждения. Подлинная история начинается с XVII века и повествует о том, как отцы-основатели, высадившиеся в Новом свете, быстренько сочинили конституцию, наловили негров в Африке, сделали их рабами, потом освободили, потом дали им права, переименовали “ниггеров” в “афро-американс”, потом придумали “polytical correctness”... вот, собственно, и все – история закончена. Послевоенный подъем и крах конкурирующих идеократий, а также современные происки фундаментализма и терроризма, очевидно, объясняются кознями внеисторической нечистой силы.

Подобный взгляд, которому не откажешь в логичности, правда, оставляет без истории всех, за исключением граждан США. Азиатское, африканское и большая часть европейского прошлого проходят скорее по ведомству палеонтологии с ее буйством планктона и схватками динозавров. Способ, которым установлен финальный смысл истории, обесмысливает подавляющее большинство ее событий, связь которых с финалом не усматривается. Пирамиды и нашествие народов моря, воюющие царства и жертвоприношения в Чичен-Ица, крестовые походы и иконоборчество – все превращается в плоские стекляшки для постмодернистских калейдоскопов. Ветхая Книга в свете доктрины прав человека выглядит как проповедь этнической вражды и нетерпимости к секс-меньшинствам. Будущее тоже отменяется, поскольку, за исключением нюансов, оно уже наступило в странах Семерки и в Австралии. Мы очутились в плоском мире.

За этим странным мировоззрением явно ощутима проблема. Либеральная материализация утопии Свободы неожиданно привела мир к величайшей несвободе. Будущее определенно оказалось порабощено прошлым, а прошлое – закрепощено будущим. Но человек – смертен, и потому не может жить вне прошлого и будущего; жить одним настоящим означает для него пребывать в камере смертников.

11. Утопия вместо будущего. Идеология вместо прошлого

Нужно понять, откуда взялся и как устроен новейший механизм взаимного закрепощения прошлого и будущего. И не просто понять – преодолеть эту несвободу, чтобы вновь обрести ход времени и смысл существования.

На рубеже истории и метаистории “порвалась связь времен”, произошла их взаимная блокировка и аннигиляция. Суть этой блокировки можно выразить формулой:

Утопия есть форма порабощения прошлого будущим; идеология есть форма закрепощения будущего прошлым.

Пытаясь взглянуть в будущее, мы видим вместо него ту или иную утопию. Утопии – ущербная форма представительства будущего в прошлом.

В книге “Понедельник начинается в субботу”⁶ доброволец-испытатель отправляется на специальной разновидности машины времени в странствие по социальным моделям, разработанным в утопических и фантастических сочинениях всех времен и народов. На первой же остановке он видит двух доблестных мужей в тогах, один из коих вещает другому, захлебываясь соплями восторга, об идеальном государстве, где все граждане абсолютно свободны, и каждый из них, естественно, имеет не менее трех рабов.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3.

⁶ Стругацкий А.Б. Стругацкий Б.Б. // Собрание сочинений. Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. М.: Текст, 1991, Т. 4.

Мы живем в конкретном историческом обществе, но нас неудержимо влечет (почему – не знаем) в царство свободы. И мы начинаем выявлять и истреблять всех, кто не согласен с нашим пониманием царства свободы, ломать институты, которые не совпадают с утопическим идеалом. Конструктивный замысел состоит в следующем: если отломать от настоящего все, что не соответствует утопическому будущему, последнее не замедлит наступить. При этом часть работы, состоящая в истреблении и отламывании, неплохо удастся, но то, что осталось, не радуется.

Утопию нам подсовывают вместо будущего. Она играет роль яркого света в конце исторического тоннеля. Но общество – не тоннель, скорее оно похоже на здание со сложной структурой. Представьте себе, что вы страстно стремитесь к слепящему источнику света, ничего не видя вокруг. Естественно, на пути к нему вы будете спотыкаться, проваливаться в канализационные люки, ломать ноги о мебель, наступать кому-то на руки и головы и при этом, скорее всего, не дойдете до цели, свернув по дороге себе шею.

Сходным образом идеология заслоняет и подменяет собой прошлое. Нам преподносят историю, кастрированную и препарированную с точки зрения какого-то одного из великих “измов”. “Краткий курс истории борьбы за Изм” гласит: история состояла в том, что сначала были дикари и варварство, потом возникло движение борцов за “Изм”, потом долго бесчинствовали враги “Изма”, потом врагов сокрушили и “Изм” воцарился в наилучшей из стран. “Изм” – светлое будущее всего человечества. Соответственно, человечество делится на тех, кто этого еще не понял (и мы им поможем понять, чего бы это им ни стоило), кто уже понял (и они наши братья, только младшие), и тех, кто не поймет никогда, а посему подлежат санитарной вырубке.

Аналогично тому, как утопия заслоняет от нас будущее прожектором обязательного и ослепительного маяка, идеология светит в спину, озаряя мрак прошлого немеркнущим лучом единственно верного учения и оставляя в нем лишь белые поверхности и черные дыры, тени предков и силуэт Вождя. Каждый из “измов” создает свой монохроматический вариант истории, враждебный прочим. И мы либо оказываемся рабами определенного “Изма”, либо история расползается под нашими пальцами на несовместимые сценарии.

Популярный способ решения подобных проблем состоит в том, чтобы воскликнуть: “Прочь, долой, никаких утопий, никаких идеологий! Nevermore”, – и покрепче зажмуриться. Российский философ-златоуст Черномырдин изрек, что отныне наше общество будет жить без “измов”. Правда, последнюю сотню лет это никому и нигде не удавалось.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

12. Конструирование метаистории

Что нас ждет в новом тысячелетии? Один из героев Стругацких, находясь в состоянии аффекта, ответил на подобный вопрос примерно так: “Каждая скотина все время норовит спросить: что нас ждет? Ну хоть бы одна сволочь спросила: что я должен делать?”.

Если сидеть и ждать ответа, куда подевалось прошлое и наступит ли будущее, то у нас их и не будет. Это не силлогизм, а констатация фундаментальной новизны, обретенной обществом в двадцатом веке. В тектоническом разломе между первой и второй мировыми войнами произошло перерождение социальной ткани во всем мире.

Великий вождь и учитель северокорейского народа Ким Ир Сен выдвинул идеи Чучхе. В свое время я решил понять, в чем именно состоят идеи Чучхе, и с этой целью прочел годовую подшивку журнала “Новая Корея”. В ходе чтения выяснилось, в частности, что идеи Чучхе факелом озаряют путь трудящимся всего мира, что они являются квинтэссенцией мудрости человечества, что они выражают концентрированный многовековой опыт корейского народа, что они служат могучим рычагом и боевым оружием в руках пролетариата и т.д. и т.п. Таким образом, удалось узнать много нового и интересного, только никак не получалось докопаться до одной частности: в чем же, собственно, состоят сами идеи.

Наконец я понял, что идеи Чучхе, о которых везде говорилось во множественном числе, существуют в единственном, что идей – всего одна, и она гласит: “Великий вождь Ким Ир Сен

сказал, что *человек – хозяин всему и решает все*”. Окружающие долго смеялись, а я смеяться сразу перестал. До меня вдруг дошло, что Ким Ир Сен понял и сформулировал важнейшую вещь.

После всех потрясений, революций и войн столетия с обществом что-то случилось, произошел небывалый сдвиг. В истории все действительно выглядело так, словно от человека ничего или почти ничего не зависело. Человек был невольным участником исторических игр – Войны, Политики и Рынка, – правила которых ему были неподвластны и менялись непостижимым, непредсказуемым образом. Он попеременно становился то баловнем судьбы, сорвавшим куш в рулетку, то жертвой игральница неведомых экономических законов, шулерских “невидимых рук”, кризисов, потрясений и великих переселений.

И вдруг мы очутились в мире, где социальный субъект начинает вмешиваться в правила естественноисторической игры, корректировать и модифицировать их. Место известной из истмата “диалектики производственных отношений” занимает проектно-конструкторская деятельность. В новом мире будущее не наступает, оно строится.

Как говорится, почувствуйте разницу. Погода – природное явление, в отличие от самолета. Самолет, как и облако, законов природы не нарушает. Но полетит он только в том случае, если вы его сделаете, причем сделаете “правильно”. То есть вы должны построить некоторые модели, неудачно называемые “законами” аэродинамики, разработать технологии производства искусственных материалов и конструкций, добыть необходимое сырье, выстроить опытный образец, испытать его и т.д. Самолет в полете, конечно, не отменяет и не нарушает природных законов, но самолеты не возникают эволюционным путем, как птеродактили. Примерно то же самое можно сказать о предпринимательских схемах и об электронных биржах.

Мы попали в мир, где новые формы человеческой деятельности не “возникают” неким естественноисторическим путем, а конструируются. Предметом и материалом конструирования новых форм являются старые, то есть исторические формы.

Утопия, которая получила адекватный материал для воплощения, теряет качество утопии. Идеология, обретая адекватную форму деятельности, перестает быть идеологией.

13. Либерализм: от идеократии к метаисторическому проекту

Идеологией я называю утопию, используемую новым типом социального субъекта для достижения своих целей и специально модифицируемую им для этих нужд. Идеократические общества, которые возникают в реальности, существенно отличаются от утопических образов и идеологических стандартов. Признавая факт такого отличия (хотя бы как “временный”, обусловленный “происками врагов” и т. п.), они используют для самоназвания имена, не совпадающие (либо частично связанные) с именами своих утопий-идеологий. Так, коммунистические идеократии именовали себя “советским строем”, “реальным социализмом”, “странами народной демократии”. Среди наиболее известных корпоративских самоназваний – “фашизм” и “национал-социализм”. Либеральные идеократии говорили о себе как о “свободном мире”, “западных демократиях”. Говоря о социальной реальности идеократий, я буду пользоваться этими самоназваниями, чтобы не запутаться в бессмысленных и обидных кличках типа “тоталитаризма”, которые они в изобилии давали друг другу.

Либерализм как течение теоретической мысли, как рациональное воплощение утопии Свободы по понятным причинам оказался разработан гораздо глубже и детальнее, чем теоретические аналоги двух более древних утопий. Он выработал весьма конкретные и реалистичные представления об устройстве общества, воплощающем либеральный идеал. Здесь одна из причин (хотя не единственная и даже не главная) того, что, оказавшись в роли идеологии, он значительно больше своих конкурентов преуспел в подлинном, а не декларативном воплощении высоких принципов в социальную реальность.

Сама ткань западного постиндустриального общества – устройство институтов власти, правосудие, система регулирования экономики, общественные институты – в значительной мере является продуктом сознательного конструирования и регулирования. В отличие от других идеократий, многие его элементы — например, система разделения властей или доктрина прав человека — эволюционировали скорее от сферы социальной инженерии в сторону идеологических

конструкций. Западная идеократия вообще начинала с госрегулирования экономики – в отличие от восточной, спохватившейся слишком поздно.

Не хочу сказать ничего ни плохого, ни хорошего про современный “свободный мир”, просто констатирую безоценочно, что это уже не только и не столько идеократия, сколько невиданное в истории, не имеющее аналогов до XX века общество, которое сознательно (хотя и не всегда успешно) строится по проекту. Социальная, экономическая, политическая, правовая сферы в нем немислимы без конструирования, не говоря уж о регулировании. Никакой “невидимой руки рынка” вне “невидимой” (для нас) головы субъекта не существует уже больше полувека. Рынок никуда не делся, но это один из укладов, который сознательно используется. Когда вы заквашиваете простоквашу, вы, естественно, наливаете в банку молоко и позволяете ему перебродить, и сила самоорганизации, “невидимая рука бактерий”, создает вам кисломолочный продукт. Но если вы взяли плохое молоко, не помыли банку или нарушили температурный режим – вместо простокваши образуется отравка. А йогурт таким способом уже вообще не получается, нужна современная технология. Если вы хотите ацидофилин или бифидок, тут приходится идти на более тонкие и сложные формы государственного вмешательства и регулирования. Кефир на деревьях не растет.

Сегодня во многих сферах развития западного общества явно обозначились качественно новые ограничения и пределы. Но эти трудности принципиально отличаются от проблем чистых идеократий. Они идут не столько от утопизма либо идеологизма либеральной идеи, не от несовершенства ее воплощения, сколько от наметившегося исчерпания ее внутреннего потенциала. По мере воплощения неолиберального проекта все более контрастно проступают контуры новых проблем, решение которых ему не под силу. Они и явятся подлинным, адекватным предметом и почвой для неокорпоративного, а в перспективе и неокommунистического проектов.

14. Страна непредсказуемого прошлого и необсуждаемого будущего

Как известно, Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Что нам завтра преподнесут в качестве нашей истории – неизвестно никому. А куда мы оказались разом и без прошлого, и без будущего.

Не знаю, что сейчас написано в школьных учебниках по всемирной истории, а в советских содержалась всякая ахинея, но она, по крайней мере, была логичной и понятной. Утверждалось, что сначала был дикий первобытнообщинный строй, потом рабовладение. Рабы, осознав свой классовый интерес, стали с остервенением бороться с рабовладельцами, потом наступил феодализм и рабы, на ходу переодеваясь в крестьян, продолжали классово мужать и бить феодалов, феодалы, видя такое дело, переквалифицировались в капиталистов, крестьяне – в рабочих, тут подросли марксисты и внесли в них классовое сознание и т.д. и т.п. Факты истории как-то расфасовывались по этим клеточкам, по крайней мере, для мнемонических нужд. Правда, российская история изначально ни в какие понятийные ворота лезть не желала, но на это смотрели сквозь пальцы.

Теперь все окончательно запуталось. То, что считали мраком российского средневековья, переопределили в расцвет европейского феодализма; позже оказалось, что никакого феодализма не было и в помине, а имел место дорабовладельческий азиатский способ производства. Раньше нас учили про тоталитарное татаро-монгольское иго, потом появилась диссидентская школа Льва Гумилева, которая объяснила, что имел место альянс верхушки феодалов Руси с руководством Орды, что татары здесь почти никого не обижали и между делом внесли колоссальный вклад в становление русской государственности. В Новгороде от учебника к учебнику правит то народно-вечева демократия, то боярская олигархия, – и так во всем. Я уж не говорю про новую хронологию Фоменко. Сейчас человек, интересующийся историей, находится в растерянности – перед ним куча несовместимых, откровенно идеологизированных точек зрения, все они довольно странного вида, все скандально препираются друг с другом, и нет даже ячеек, по которым можно хоть как-то разложить имена и даты.

То же самое произошло с будущим. Не успели мы привыкнуть к коммунизму и Третьему Интернационалу, который в качестве финальной стадии истории заменил Третий Рим, как нам сказали, что Россия выходит на магистральный путь развития человечества, каковой есть

монетаризм и контролирование денежной массы. Едва мы на него вышли, как оказалось, что идти-то особо некуда, история уже окончилась на либерализме. Теперь же тамошние геополитики во главе с Хантингтоном проговорились, что либералы нас надули, никакого магистрального пути нет. И мы оказались в неинтересном положении, где вообще говорить что-либо о прошлом и будущем еще менее уместно, чем о веревке в доме повешенного.

Будущее отобрано у России ее неправильным прошлым, а прошлое рабски зависит от причуд будущего. Российская профессия – доводить общемировые противоречия и проблемы до крайности и абсурда.

15. Уклады прошлого в настоящем. Российская палеонтология

Благодаря катастрофическому рывку XX века в Метаисторию в каждом обществе, на каждом континенте теперь так или иначе представлены уже шесть слоев: три исторических и три оставленных идеократиями. Россия в этом смысле если и уникальна, то тем, что сильно размазана по всем этим слоям. Каждый из них представлен мощным укладом, типом личности и способом жизни. Тогда как в большинстве обществ один слой явно доминирует, а остальные часто удается разглядеть только с помощью специальных социологических инструментов.

Но что такое пласты традиции, культуры и цивилизации в современном обществе? Традиционное общество архаического и современного образца – две разные вещи. Когда-то насекомые и членистоногие были господами мира, в силурийском море плавали симпатичные ракоскорпионы величиной с яхту, а у стрекоз, которые порхали над гигантскими хвощами и плаунами, размах крыльев был 4 метра. Современные насекомые – это блохи, которые живут в гриве льва. Но это не означает, что млекопитающие вытеснили насекомых. Насекомые заняли целые экологические ниши, образовали симбиозы с новыми видами. Что же касается простейших одноклеточных животных, то, пожалуй, именно сейчас они достигли эпохи процветания. С появлением теплокровных видов простейшие обнаружили, что гораздо приятнее жить в тканях млекопитающих, чем в изменчивом внешнем мире. Мировые эпидемии чумы ознаменовали победы мира простейших не только над животными, но и над человеком.

В российском обществе до начала века численно доминировал мощнейший пласт традиции. Конечно, российская крестьянская община не слишком напоминала первобытную, была плодом длительного зависимого развития и сосуществования с укладами культуры и цивилизации. Но 95 из 100 жителей царской России составляли крестьяне, чье христианство, культурность и цивилизованность были весьма символическими и поверхностными. Большинство из них не знали грамоты. Они соблюдали внешнюю православную обрядность, исправно гадали в ночь на Ивана Купалу и относились к Николе Угоднику скорее как к главному колдуну или племенному тотему.

А каков был современный им уклад культуры? Россия XIX века многим напоминает хэйанскую Японию XI - XIII веков, оставившую мирового значения литературное наследие. Читая, например, “Записки у изголовья” Сэй - Сенагон⁷, вы видите странное, дивное общество, где всё, как в пушкинские времена в России, крутится вокруг двора императора, все поголовно пишут стихи, носят семислойные одеяния с изумительно гармоничным сочетанием цветов и помешаны на проблемах эстетики. При этом придворный слой культуры тонок, за воротами игрушечных дворцов царят невежество, грязь и архаика.

В России также существовало сословие помещиков-дворян, занятое государевой службой, но при этом практически не вовлеченное в материальное производство – в отличие от буржуазии, вынужденной крутиться день и ночь: брать кредиты, открывать фабрики, торговать, играть на бирже. Дворяне были мало озабочены поиском и приумножением средств к существованию. Выйдя в отставку, они мирно сидели в наследственной городской усадьбе или имении, а приказчики привозили все, что нужно для жизни. Такая обеспеченная праздность приводила к тому, что большая часть этих людей была никчемной, а меньшая имела возможность думать о светлом и прекрасном, читать и писать на многих языках, философствовать. И подниматься к высотам духа, недостижимым для озабоченных буржуа. В обществе цивилизации культура хиреет во многом потому, что эта прослойка “счастливых праздных” размывается. Вместо них

⁷ Сенагон С. Записки у изголовья. М.: Кристалл, 1999.

возникают “лица свободных профессий”, которым надо сильно суетиться и корячиться для того, чтобы заработать на жизнь. Культурный уклад формировал лицо русского общества, но численно являлся в нем крохотным меньшинством.

И наконец, уклад российской цивилизации. Капитализм в заметных масштабах возник после Крымской войны, когда нас публично побили цивилизации Европы, и выяснилось (по Лескову⁸), что пора переходить на нарезное оружие с гладкоствольного, которое кирпичом чистили. Александр II Освободитель был вынужден затеять реформы. И тут как из-под земли выросли отечественные предприниматели, грондеры, авантюристы и проходимцы; молниеносно, — за 10-20 лет — создались пароходные, угольные, химические и прочие империи. Россия с безумной скоростью покрылась сетью современных магистралей, приобрела миллионный слой фабричных рабочих и к началу века оказалась по объему производства в пятерке наиболее развитых европейских стран. Но по существу-то в указанную пятерку вошла не сама страна, а ее островок, крохотный (в масштабах страны) уклад величиной с Голландию. Он охватывал 2% населения и был во многом наведен, индуцирован извне, финансовой пуповиной связан с Европой. Прочая Русь продолжала жить по заветам дедов и прадедов. Следствием прихода цивилизации для широких масс, не читающих Чехова, стало разве что появление рельсовых путей, откуда можно было свинчивать гайки на грузила.

16. Русский путь сквозь три идеократии

Похоже, эпохи, соразмерные Истории, открываются большими социогоническими взрывами. Из их воронки все разнообразие предстоящего содержания вылетает в виде зародышей-укладов. Взрыв этого вулкана быстрее созревает там, где почва тоньше. А где, как не в России, почву чуть ли не везде можно пальцем проткнуть? Даже наши черноземы сдувает ветром перемен.

Одномоментное рождение всех идеократий и было вызвано взрывом-выбросом метаисторического семени. А дальше каждая земля приняла зародыш по себе. Россия, где могучий пласт традиционного общества резонировал с утопией братства, забеременела несвоевременным коммунизмом.

Русский путь в XX столетии считают “самобытным” лишь по недомыслию. Он был и есть вполне магистральным и до того общечеловеческим, что дальше некуда. Только вот вышли на него слишком рано, забежали авантюрно далеко, а двигались большей частью задом наперед.

В начале века Россия совершила гигантский прыжок, перемахнула через границы между историей и метаисторией и зацепилась аж за третью метаисторическую эпоху. Там она не удержалась, да и не могла удержаться — это было невозможно. С колоссальными потерями откатилась назад на целую эпоху. Наступили полвека советского корпоратизма. Он был очень мощным, устоял под натиском куда более культурно укорененного германского конкурента, а потом с первобытным нахрапом встал в оппозицию к мировому либерализму, прочно вросшему в почву западной цивилизации и находящемуся на подъеме. Нищая, грязная, малограмотная азиатская страна, расположенная наполовину в тундре, ухитрилась стать владыкой полумира, установила с остальным миром военный паритет и первой прорвалась в космос.

Когда же свершилось неизбежное, и русский протокорпоратизм, лишенный современного экономического фундамента, просел и рухнул, часть элиты попыталась отступить в либерализм. Но российский либерализм — весьма сомнительного пошиба. В нашей социальной ткани, в истории ощутим дефицит материала для настоящего либерализма. Некогда и неоткуда было возникнуть в массовом порядке независимым личностям. Слаба была прививка цивилизации, ее уклад истреблен и разбазарен революционерами. Творческого, человеческого, духовного потенциала нам не хватило. Зародыши либеральной мысли задохлись в публицистическом мазохизме “гласности”. Притом добрая половина соотечественников как жила, так и живет на деревьях. Хотя в результате варварской операции раскрестьянивания большую часть, кто уцелел, вышибли из уклада традиционного и загнали в средневековый, все же Иосиф Виссарионович не успел дорепрессировать нас до либерально-индивидуалистических кондиций.

Трижды в этом веке мы сменили метаисторическое амплуа.

⁸ Лесков Н.С. Левша // Повести и Рассказы. М.: Московский рабочий, 1974.

Сначала это был безумный замах на третий метаисторический мир под знаменем коммунистической идеократии. На авансцене выросла целая когорта совершенно новых людей. Но это вовсе не случайные и не лишние люди в русской истории. Да, партия большевиков представляла меньшинство. Но ведь до и помимо нее были и другие партии “нового типа”: народовольцы, анархисты. В авангарде русских революций шла огромная партия эсеров, ориентированная на крестьянство, которая потом раскололась. Все они были скроены по одному образцу. Имеется некоторое передовое учение. Это учение так или иначе адресовано традиционному слою, прежде всего крестьянству. Идеалом является братство, а способом действия – тайный заговор, устройство сети террористических актов, возмущение общества, провоцирование пугачевского бунта, вооруженное свержение монархии и воцарение на ее месте диктатуры слуг народа. Человеческий тип “партийца” в качестве массового более не существует, но он оставил свой немеркнущий след в культуре. Песни тех времен и поныне действуют на подсознание.

Когда коммунистическая утопия стала рушиться (это случилось отнюдь не в 80-е годы, а вскоре после смерти Ленина), российский метаисторический субъект прошел через сложнейшую внутреннюю борьбу, был глубоко преобразован. С этим связаны чистки, репрессии, избиение и уничтожение так называемой ленинской гвардии. Возник совершенно другой социум. По социальной стратификации, по базовому типу личности это был современный вариант сословно-корпоративного общества, в котором лишь в качестве официально-ритуальной оставалась коммунистическая идеология.

Сталин, фактически нанеся смертельный удар, вовсе не собирался его уничтожить. С непогрешимой интуицией корпоративного менеджера он подводил железные опоры и сваи технотехники под парящую в небесах коммунистическую утопию. Поэтому отечественный корпоратизм даже в золотую брежневскую пору был стыдливым, не идеологическим, а скорее технологическим. Вторую идеологию мы меняли на первую тихо и негласно. Идеология корпоратизма стала внутренней масонской верой номенклатуры, аппаратов партии, правительства, профсоюзов и комсомола.

Советская империя – это целый мир, вполне современный, а во многом даже постмодернистский, который будут изучать еще очень долго. Большинство советских граждан были членами разнообразных корпораций. Только вместо архаических цехов и гильдий появились колоссальные предприятия ВПК. В их сердцевине был хай-тек, суперэлектроника или атомная технология, отчасти похищенные с Запада, отчасти созданные здесь. Ибо нужно было противостоять самым современным идеократиям Запада, создавать подводные лодки с ядерными ракетами – и это было сделано. Но человек не просто был членом подобной корпорации, он в ней жил. Он подчинялся корпоративной этике, обитал в ведомственном жилье, числился в отраслевом профсоюзе, получал там свою бесплатную путевку, а дети ходили в заводские ясли-сад. Для него это было не столько способом что-то производить, сколько образом жизни, социальным микрокосмом. И если он оказывался вне его, то становился никем. Он не мог бы даже купить элементарных продуктов, потому что большую часть советского времени существовала талонно-карточная система. Продуктовые пайки успешно замещали “права человека”.

Номенклатура была сословно-корпоративной элитой, которая пыталась стать корпорацией современного типа. Но это было невозможно, для реализации подобных планов тогдашнему обществу не хватало существенных частей, целых слоев и укладов. И тот обвал, что приключился у нас в конце 70-х – начале 80-х годов, не был крушением коммунизма. Коммунизм уже не существовал полвека. Это было крушением корпоратизма. Не удержавшись на следующей линии метаисторических окопов, мы отступили еще на шаг назад, не понимая, куда именно, и не подготовив позиций для отхода. Михаил Сергеевич, разрушитель империи и власти корпоративной номенклатуры, погубил ее не по идейным соображениям, а по дурости, не соображая, что обстоятельства требуют подвести под ее просевшее здание либеральный экономический фундамент, а не мину псевдолиберального словоблудия.

17. Назад или вперед? Россия пятится во встречном потоке метаистории

На протяжении целого века Россия пятится от преждевременного будущего навстречу своему непознанному прошлому.

От плацдарма неотрадиционалистской коммунитарной утопии, куда ее раньше времени занесло и где она не смогла удержаться, она допятилась, безоглядно бросая при отступлении недостроенные уклады размером в эпоху, до второй попытки отечественного либерализма. Начав и здесь, по русскому обыкновению, с шокового экстремизма, а затем сдавая одну позицию за другой, страна уперлась в стенку – ту самую, про которую Фукуяма сказал, что это конец истории. Но мы-то уперлись в нее спиной. Мы стучимся в Историю затылком.

Россия пришла к либерализму из будущего, а не из прошлого, хотя и вполне “закономерно”. И место встречи – либо пункт окончательной катастрофы, либо точка нового старта. Похоже на очередное великое отступление до Москвы, только отступали на сей раз из-под самого Парижа коммунаров через корпоративный Берлин.

Но мы пятимся во встречном потоке. Извечная национальная особенность: все туда, а мы обратно. Идеология либерализма уже свыше полувека осеняет формирование структур первого метаисторического проекта – постиндустриального общества, а сквозь его ткань на западе и на востоке стремительно пробиваются ростки второго уклада, нового корпоратизма, который начинает обретать самосознание и эмансипироваться от мрачного наследия своего идеократического предка.

Страна у нас умная. Люди быстро ориентируются, ведут себя удивительно гибко. Таких сообразительных туземцев еще поискать. Поэтому верю, что у нас есть шанс. Очень надеюсь, что мы сообразим, где зад, а где перед.

Наш шанс еще и в том, что концентрация, “парцеллярное давление”, представительство разом всех трех недобитых и недоделанных идеократий в российском полуразрушенном обществе велики, как нигде. А ведь каждый из трех метаисторических укладов-проектов нуждается в остальных двух. Они взаимно опираются и дополняют друг друга еще в большей степени, чем триада “традиция – культура – цивилизация”. Совершенно не случайными выглядят известные из истории идеократий связки коммунизм – искусство, корпоратизм – религия, либерализм – наука.

Опыт российского либерализма не прошел даром. При всех неоправданно огромных потерях и издержках он оставляет после себя значимый постиндустриальный слой личностей и структур. За последние десять лет на этой почве уже успел зародиться современный метакорпоративный уклад, происходит становление предпринимательских корпораций нового типа. Хотя это еще маленькие островки, они стремительно развиваются и образуют очень важный плацдарм будущего. Россия, даже если бы и захотела, в целом никогда не сможет стать либеральной. Ее “резонансная частота” на шкале метаисторических структур найдется где-то между корпоратизмом и коммунизмом. Но путь туда закрыт до тех пор, пока для него не будет создана добротная основа в виде постиндустриального фундамента – частично заимствованного, частично построенного по собственному либеральному проекту.

Российский опыт, пусть даже во многом негативный, уникален и незаменим в мировом масштабе. На всю глубину пространства наступающей эпохи путь для человечества оказался, как пунктиром, обозначен нашими бараками и знаменами, книгами и костями, руинами пятилеток и стартовыми площадками Байконура. Мы разметили вешками грозное будущее, как сталкер, чудом вернувшийся из зоны, помечает свой гибельный путь, готовясь к новому броску. Мы первыми высадились в Метаистории, как американцы на Луне. Теперь она надолго опустела. Не навсегда ли?

На рубеж тысячелетий пришелся момент реинкарнации с негарантированным результатом. История может уснуть, как Гамлет, или проснуться, как Джульетта. Первый из миров метаистории, великий либеральный проект никак не может выпутаться из цепких объятий идеократии либерализма. Окрысившаяся на весь мир, полумертвая, она все крепче стискивает то живое, что создано конструкторами постиндустриального общества. А ведь без его экономических, социальных и духовных достижений корпоративный и коммунистический проекты обречены, каждому из них не вырваться из роковой связки своей идеократии и утопии.

Вопрос о том, как высвободить прошлое и будущее из этой связки, неотделим от вопроса, кто это будет делать. То есть о социальной идентичности тех, кто противопоставит слепому фанатизму идеократий волю к осуществлению конструктивных метаисторических проектов. Ответ

на него – за рамками нынешнего разговора. И все же под занавес – несколько слов о загадочной “русской идее” и ее иностранных аналогах.

18. Русь как Речь

Мы живем в стране, где присутствуют в той или иной концентрации все три главных идеологии XX века, а также все три исторических утопии. Поэтому мы разделены как никто и никогда, и поэтому, стоит кому-то предложить какой-либо светлый идеал в качестве новой руководящей идеи, как раздаются свист, улюлюканье, хихиканье, недоуменное шипение и зевки. Похоже, ни одна из подобных попыток уже никогда не увенчается здесь успехом. Означает ли это, что впервые на памяти человечества возникло общество, которое принципиально отвергает любые социальные идеи — хотя бы в виде общего взгляда на мир? Которое желает “жить, чтобы жить”, и сверх этого принципиально ничего не хочет хотеть? Которое готово ограничить горизонт людей игрой на фондовом рынке или (если уж они такие отсталые) производством каких-нибудь чугунных болванок? Конечно, такого никогда не было и, по-видимому, не будет.

Урок – в ином. Для того-то нас и раздели, и вытряхнули из всех идеологических оболочек, привили нам оскомину и отвращение к любой идеологии традиционного пошиба, для того на нас наслали всеразьедающий постмодернизм, лишь подогревший отечественную традицию самоедства, ерничества и стеба, – все для того, чтобы мы поняли: единственная наша неснимаемая шкура, наша неотменяемая идентичность и есть эта самая “русскость”. Но понимаемая не в архаико-этническом смысле, как лапти, квас или дегенеративная харя былинного ария с этикетки пива “Россиянин”.

Неистребимая определенность самоопределения, с которой человек Метаистории родится и в которой умирает, это принадлежность к традиции, культуре и цивилизации, которая говорит на определенном языке. Единство не в крови, не в почве, а в духе. Русь как Речь.

Смотрите – Пушкин, как говорится, “наше все”. Он наш главный национальный поэт и создатель современного языка. Но Пушкин, как известно, по происхождению эфиоп. Это почему-то не травмирует ничьих патриотических чувств. Это нормально. Абрам Петрович Ганнибал, объявившись вместе с целой толпой инородцев при дворе московского царя, тем самым уже предвосхитил ныне очевидное: самоидентификация, связанная с этничностью, то есть с племенем и родом, осталась навсегда в истории.

Нам предстоит либо распад, либо новая идентичность, внутри которой понизится статус тех различий, что кажутся ныне непреодолимыми, и найдется достойное место и важная роль для русских либералов, корпоратистов и коммунистов. Об этом – моя повесть “Кальдера Россия”⁹.

Но с Пушкиным связана и совершенно другая проблема, с решением которой придется обождать аж до самого исхода Метаистории. Пушкин непереволим ни на какой из языков. Это особо тяжелый случай, и он позволяет понять некоторую незамечаемую в своей очевидности вещь. Все попытки перевести Пушкина ни к чему не привели. Европейцы читают, пожимают плечами: “The City of the Plague”¹⁰... Дон-Жуан¹¹... Очень мило. Мусульмане заглядывают: “Подражание Корану”¹²... Как трогательно.

Некий дух, существующий в стихии каждого языка, испаряется, едва завидев толмача. Любой настоящий переводчик скажет вам, что подлинная поэзия абсолютно непереволима. Проза – чем гениальнее, тем безнадежнее попытки ее переложить на музыку иной речи. Потому что каждая фраза, каждое слово, каждый оборот для носителя речи отзываются сложнейшей сетью ассоциаций, аналогий, оттенков, намеков, которые абсолютно непереволимы, непереволимы, потому что полных аналогов не существует. Тексты эсперанто напоминают инструкцию к пылесосу, они безвкусны, как картон.

⁹ Чернышев С.Б. Иное: Хрестоматия российского самосознания. М.: Аргус, 1995, Т. 3, с. 477-542.

¹⁰ Wilson John. The City of the Plague and other poems, Edinburgh, 1816.

¹¹ Пушкин А.С. Каменный гость. // Маленькие трагедии. М.: Радуга, 1995; Мольер Ж.-Б. Дон Жуан и другие пьесы. М.: Азбука, 1999; Байрон Дж. Г. Дон Жуан. М.: Терра, 1998.

¹² Пушкин А.С. Подражание Корану // Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1970, Т. 1, с. 99.

Единственный (и, кстати, естественный) способ создания всечеловеческого единства сегодня представляется безнадежной утопией. Это достижение такого состояния, когда каждый будет свободно владеть всеми известными языками, в том числе и умершими, интуитивно и подсознательно схватывая все их нюансы. Сейчас это невозможно, хотя прогресс современных технологий изучения языков подсказывает, что подобное мыслимо. Но только на такой почве можно будет перейти к прямому творческому сопоставлению и синтезу “национальных идей” во всех сферах искусства, религии и науки. Лишь тогда осуществится общечеловеческий идеал. Однако все это – в последней из социальных эпох развития человека, уже за рамками Метаистории.

Нам же еще только предстоит в нее войти.